

Владимир Короленко

**Сорочинская трагедия: по
данным судебного
разследования**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К68

К68 **Короленко В.Г.**
Сорочинская трагедия: по данным судебного разледования / Владимир Коро-
ленко – М.: Книга по Требованию, 2021. – 82 с.

ISBN 978-5-517-96483-0

ISBN 978-5-517-96483-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СОРОЧИНСКАЯ ТРАГЕДІЯ

(по даннымъ судебного разслѣдованія)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ декабрь 1905 года въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ и Устивицѣ (Полтавской губ.) произошли событія, вызвавшія извѣстную „карательную экспедицію“ ст. сов. Филонова.

12 января 1906 г. я помѣстилъ въ газетѣ „Полтавщина“ открытое письмо, въ которомъ, рассказавъ о незаконныхъ жестокостяхъ и массовыхъ истязаніяхъ, допущенныхъ этимъ чиновникомъ, взывалъ къ суду—надъ нимъ или надо мною.

18 января, вернувшись изъ другой подобной-же экспедиціи, Филоновъ былъ убитъ въ гор. Полтавѣ. Убійца скрылся.

Въ самый день похоронъ Филонова мѣстная полу-оффиціозная газета „Полтавскій Вѣстникъ“ помѣстила отъ имени покойнаго „посмертное письмо писателю Короленко“. Письмо это, уже

и тогда внушавшее большія сомнѣнія въ своей подлинности,—открыло обширную и ожесточенную газетную кампанію, цѣлью которой было—во-первыхъ подорвать довѣріе къ правдивости сообщенныхъ мною фактовъ, а вовторыхъ возбудить въ читателяхъ сомнѣніе въ прямотѣ и искренности моего призыва къ правосудію, который выставился, какъ сознательное подстрекательство къ террористическому убійству.

Въ газетѣ „Полтавщина“, а затѣмъ въ „Русскомъ Богатствѣ“ (январь 1906) я отвѣтилъ на эти инсинуаціи краткимъ заявленіемъ. Глубоко сожалѣя о томъ, что начатая мною гласная тяжба съ безчеловѣчными по формѣ и размѣрамъ административными репрессіями, прервана вмѣшательствомъ, котораго я не могъ ни предвидѣть, ни, тѣмъ болѣе, желать,—я выражалъ надежду, что и теперь ничто не помѣшаетъ полтавской администраціи потребовать у меня на судѣ доказательствъ правдивости всего, мною сказаннаго, къ чему я совершенно готовъ..

Вскорѣ стало извѣстно, что противъ писателя Короленко и редактора „Полтавщины“ Д. О. Ярошевича возбуждается преслѣдованіе по п. 6 гл. 5 отдѣла III-го временныхъ правилъ о печати. Тогда, съ своей стороны, я прекратилъ всякую полемику по этому предмету, въ ожиданіи компетентной провѣрки фактовъ, въ результатахъ которой я не имѣлъ основаній сомнѣваться.

Это соображеніе не остановило начатой противъ

меня кампаніи. Быть можетъ, именно потому, что результаты судебного разслѣдованія легко было предвидѣть,—газеты извѣстнаго лагеря постарались широко использовать время до рѣшенія суда. Потокъ инсинуацій разливался все шире. Клевета проникла, наконецъ, на столбцы министерскаго органа „Россія“ и была повторена г-мъ Шульгинымъ съ высоты депутатской трибуны.

Теперь слѣдствіе закончено, и самое дѣло прекращено, такъ какъ *изложенные мною факты подтвердились*. Съ этимъ провѣреннымъ матеріаломъ въ рукахъ я имѣю теперь возможность отвѣтить на клевету.

Впрочемъ, если бы дѣло шло только обо мнѣ лично, то, вѣроятно, я пригласилъ бы моихъ противниковъ поддержать ихъ обвиненія противъ меня тѣмъ же судебнымъ порядкомъ, какимъ я поддерживалъ свои—по отношенію къ „филоновской экспедиціи“. При этомъ мнѣ представлялся широкій выборъ противниковъ,—начиная съ министерскаго органа и кончая „Полтавскимъ Вѣстникомъ“, открывшимъ кампанію подложнымъ письмомъ.

Но я считаю, что значеніе „сорочинской трагедіи“ гораздо шире личнаго вопроса и даже вопросовъ мѣстныхъ. Это—типичная „карательная экспедиція“, освѣщенная теперь съ начала и до конца, со всѣми характерными чертами этого явленія нашихъ „конституціонныхъ дней“. Роль администраціи, суда, оффиціозной и незави-

симой печати въ этомъ эпизодѣ до такой степени поучительны, что ими совершенно поглощаются частные вопросы личнаго порядка.

Поэтому я и рѣшилъ развернуть передъ обществомъ всю эту картину, какъ она рисуется теперь на основаніи оффиціально провѣреннаго матеріала.

При этомъ читатели могутъ судить попутно и о томъ, имѣли ли писатель Короленко и независимая полтавская печать *право* и даже *обязанность* напечатать „открытое письмо“ съ призывомъ къ суду, и на чьей сторонѣ были не только право и правда, но и самая строгая „законность“.

I.

Сорочинцы и Устивица.

Все это случилось черезъ мѣсяць послѣ манифеста 17 октября 1905 г.

Въ Россіи долго будутъ помнить это время.

Въ разгаръ общей забастовки, среди волненій, закипавшихъ по всей странѣ, манифестъ провозглашалъ новыя начала жизни и во имя ихъ призывалъ страну къ успокоенію. Въ запискѣ гр. Витте, приложенной къ манифесту по высочайшему повелѣнію, говорилось между прочимъ, что «волненіе, охватившее разнообразныя слои русскаго общества, не можетъ быть разсматриваемо... только какъ результатъ организованныхъ дѣйствій крайнихъ партій. Корни этого волненія, несомнѣнно, глубже». Они въ томъ, что «Россія переросла формы существующаго строя».

Дальше говорилось о необходимости полной *искренности* въ проведеніи новыхъ началъ, а властямъ предстояло сообразовать съ ними свои дѣйствія.

Отсюда вытекали, разумѣется, неизбѣжныя послѣдствія: такъ какъ вина въ волненіяхъ, происходящихъ въ обществѣ, «переросшемъ формы существующаго

строю», признавалась по меньшей мѣрѣ двусторонней, то и мѣры успокоенія должны быть тоже двусторонни. Передъ властью лежала сложная и отвѣтственная задача: съ одной стороны, она не могла, конечно, допустить насилій, погромовъ и захватовъ, но съ другой—должна была показать, что сила власти направлена только на поддержаніе закона и регулируется закономъ. Старые приемы произвола, административныхъ усмотрѣній и безотвѣтственности должны были отойти въ прошлое. Только изъ приемовъ самой власти общество и народъ могли увидѣть, что обѣщанія манифеста не одни слова, что они входятъ въ жизнь, какъ дѣйствующая уже и живая сила...

Этихъ простыхъ и обще-признанныхъ положеній, заштемпелеванныхъ и даже высочайше утвержденныхъ, совершенно достаточно для освѣщенія описываемыхъ мною событій. Мѣстная независимая печать стояла въ Филоновскомъ дѣлѣ именно на этой точкѣ зрѣнія...

Къ сожалѣнію, тѣ, для которыхъ она, повидимому, являлась наиболѣе обязательной, — были совершенно не подготовлены къ ея пониманію. Отсюда сорочинская трагедія. Отсюда и много другихъ трагедій, которыя переживала и еще переживетъ наша страна, «перросшая формы своего существованія», которыя, однако, продолжаютъ давить ее съ прежнею силой...

23 декабря 1905 года я вернулся изъ Петербурга въ Полтаву.

Въ городѣ въ это время рассказывали ужасы о драмѣ, разыгравшейся въ мѣст. Сорочинцахъ

(прославленных нѣкогда веселыми разсказами Гоголя) и въ сосѣдней Устивицѣ.

Въ мѣстной газетѣ были помѣщены извѣстія объ этихъ событіяхъ *). Въ первой корреспонденці сообщалось, что въ ночь на воскресенье, 18 декабря въ Сорочинцахъ былъ арестованъ (въ административномъ порядкѣ) мѣстный житель Григорій Безвиконный. «Въ отвѣтъ на это,—продолжаетъ корреспондентъ,— 19 декабря, съ общаго согласія крестьянъ, былъ арестованъ при волостномъ правленіи сорочинскій приставъ. Крестьяне думали такимъ образомъ—ускорить освобожденіе Безвиконнаго». Вслѣдъ за приставомъ арестовали и урядника Котляревскаго.

Въ Полтавской губерніи подобныя всышки были уже въ другихъ уѣздахъ, при чемъ, повидимому, толпа была особенно чутка къ арестамъ въ административномъ порядкѣ лицъ, читавшихъ и объяснявшихъ манифестъ народу. Такъ, въ гор. Зеньковѣ послѣ ареста такого толкователя Никольскаго, толпа, около 2 тысячъ человекъ, двинулась къ тюрьмѣ. Стражники стрѣляли, но это не помогло. Толпа расла, увеличиваясь пришельцами изъ деревень. На слѣдующій день прибылъ освобожденный Никольскій и успокоилъ народъ, «обнадеживъ его милостью высшаго начальства», которое (по его словамъ) не оставитъ безнаказаннымъ опрометчивый поступокъ исправника, повлекшій за собой кровавыя жертвы... Толпа разошлась, при чемъ ни грабежей, ни другихъ

*) „Полтавщина“, №№ 310 и 314.

безпорядковъ больше не было, и столкновение разрѣшилось на этотъ разъ безъ дальнѣйшихъ несчастій *).

14 декабря такое же волненіе было вызвано въ Лохвицѣ административнымъ арестомъ мѣстнаго жителя И. П. Бедро. Толпа арестовала помощника исправника и повела его къ волости. Отрядъ драгунъ освободилъ его, и въ толпу было дано три залпа. Оказались раненые, въ томъ числѣ трое тяжело **).

Въ мѣстечкѣ Ковалевкѣ (Пирятинскаго уѣзда) такое же впечатлѣніе произвелъ арестъ крестьянина Оправхата...

Очевидно, народъ «слишкомъ непосредственно» принималъ обѣщанія манифеста о «неприкосновенности личности» и, «ответственности лишь по суду», считая эти обѣщанія уже вошедшими въ силу. Между тѣмъ, администрація, особенно уѣздная, не желала отказаться отъ привычныхъ способовъ дѣйствій. Понятно, что всякая возбуждающая агитація на этой почвѣ встрѣчала въ народѣ воспріимчивое и отзывчивое настроеніе.

Какое значеніе имѣлъ этотъ арестъ для дальнѣйшихъ событій,—лучше всего можно судить изъ показаній полицейскихъ, которыхъ въ этомъ случаѣ нельзя заподозрить въ тенденціозности. Приставъ Якубовичъ въ своемъ показаніи, воспроизведенномъ въ

*) Полтавщина, 20 декабря 1905 года, № 307 (Корресп. изъ Зенькова).

***) Полтавщина, № 308 (Корресп. изъ Лохвицы).

газетѣ «Полтавскій Вѣстникъ» *), говорить, что ему кричали: «Мы знаемъ теперь, зачѣмъ существуетъ полиція. Чтобы красть людей». Еще опредѣленнѣе свидѣтельство другого полицейскаго, урядника Котляревскаго, претерпѣвшаго плѣнъ вмѣстѣ съ приставомъ. «Обсуждая событія 19 декабря,—простодушно и мѣтко говорить этотъ очевидецъ,—я долженъ сказать, что въ мѣстечкѣ Сорочинцы сравнительно все было спокойно, и начались волненія съ введенія усиленной охраны, когда появились слухи о производившихся арестахъ». Самъ Безвиконный, по словамъ Котляревскаго, не пользовался особенной популярностью. Но его арестъ послужилъ всетаки «предлогомъ для начала смуты».

Народнымъ настроеніемъ воспользовался невѣдомый заѣзжій «ораторъ Николай». Уже 16-го числа онъ появился въ Сорочинцахъ и говорилъ рѣчи передъ толпой. Все это однако держалось въ извѣстныхъ предѣлахъ, довольно обычныхъ для того времени. Съ арестомъ Безвиконнаго настроеніе толпы рѣзко поднялось. Арестовали пристава, звонили въ набатъ, собирались съ дреколемъ. «Ораторъ» указывалъ на примѣры, когда народу удавалось добиться освобожденія административно арестованныхъ...

19 декабря, т. е. на слѣдующій день послѣ ареста пристава, часовъ въ 11 утра въ мѣстечко прискакалъ изъ Миргорода помощникъ исправника Барабашъ съ сотней казаковъ. Населеніе собралось по набату на

*) „Полтавскій Вѣстникъ“, 5 февраля 1906 г., № 972.

площадь; многіе были вооружены вилами, косами, дрючками и т. д. «Ораторъ Николай» былъ тутъ же. Барабашъ просилъ крестьянъ пропустить его къ пристава. Крестьяне согласились на это и проводили Барабаша къ «плѣннику», но на требованіе освободить пристава отвѣтили отказомъ, требуя въ свою очередь предварительнаго освобожденія Безвиконнаго. Барабашъ въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ сдѣлалъ самое худшее, что только могъ сдѣлать: послѣ переговоровъ онъ сначала уѣхалъ съ своимъ отрядомъ, а потомъ вновь вернулся къ торжествующей и ободренной этимъ отступленіемъ толпѣ. Здѣсь во время новыхъ переговоровъ произошелъ, между прочимъ, слѣдующій инцидентъ. Какая-то женщина ткнула длинной палкой въ морду коня начальника отряда, полковника Бородина. Ее застрѣлилъ казачій урядникъ К. *). Можно предполагать съ большой вѣроятностью, что именно этотъ выстрѣлъ, раздавшійся среди страшнаго напряженія еще до сигнальнаго рожка (когда полк. Бородинъ «уговаривалъ толпу») и убившій женщину,—послужилъ сигналомъ для послѣдовавшей за нимъ свалки, которая разразилась стихійно и ужасно. На мѣстѣ остались смертельно раненый Барабашъ и 8 человекъ сорочинскихъ жителей; 12 другихъ были тяжело ранены и убиты въ разныхъ мѣстахъ, на дворахъ и улицахъ мѣстечка.

*) Листъ моего дѣла 50 и послѣдующіе. На полковника Бородину этотъ случай произвелъ такое потрясающее впечатлѣніе, что онъ заболѣлъ нервнымъ разстройствомъ. Передаютъ, что ему все чутится убитая баба... .